

Бриллиант в темноте

Автор: [Sharaloth](#)

Оригинал: [Diamond In The Darkness](#)

Это было несправедливо. Она была хорошей девочкой, разве не так? Она любила отца, прилежно училась в школе, имела лучших друзей и устраивала достойные вечеринки. Так почему же это случилось с ней? Что она сделала, чтобы заслужить такое? Это было несправедливо.

Эти мысли в голове Даймонд Тиары качались маятником снова и снова, пока она устало шагала по грязной дороге. Из-за дождя её некогда прекрасная грива обвисла и прилипла к телу. Тиара, которую она всегда носила на голове, полностью скрылась в беспорядке её волос, причем настолько, что ей потом скорее всего придётся вырезать её оттуда, если у неё вообще появится такая возможность. Дождь лил уже несколько дней, насколько она могла судить. Впрочем, всё, что она имела — это ноющую голодную боль в желудке и бесчисленное количество беспокойных снов. И всё же это был необычный дождь. Он не был тщательно собран пегасами, спланированным и рассчитанным на точное количество необходимой воды. Этот дождь казался диким. Безумным.

По дороге ей встречались и другие путники. Товарищи по несчастью, хотя откуда они бежали и куда направлялись было загадкой, они всегда были в движении и часто в словах противоречили друг другу. Катастрофа была повсюду, в Эквестрии больше не оставалось тихих уголков.

У некоторых из этих беженцев были фургоны, полные пожитков и личных вещей. Они были благословлены достаточным количеством предупреждений, чтобы успеть спасти свои жизни. Многие другие были похожи на неё и не имели даже седельных сумок. Однажды она согласилась прокатиться в одной из тележек. Добрый фермер, который её тащил, обещал позаботиться о ней, пока они не узнают, выжил ли кто-нибудь из её семьи. Та поездка оказалась ошибкой, и она едва успела унести копыта, спасаясь от дракона, который унёс тележку и возницу. С тех пор она избегала других путешественников, следуя по длинной дороге в одиночестве.

Тиара не знала, куда ведут её копыта. "Как можно дальше отсюда" по началу казалось хорошим направлением, но не имея перед глазами чёткой цели пони начинала понимать, что независимо от того, как далеко она уйдёт от остатков Понивилля, всё, что будет ждать её — это та же участь, от которой она сбежала. Но ответа не было, не было обещанного королевства или замка, чтобы принять её. И она шла дальше. Она шла до тех пор, пока не устала настолько, что не могла даже поднять голову, чтобы посмотреть на дорогу впереди. Кобылка спотыкалась, ставя одно копыто перед другим в бесконечном бессмысленном цикле. И с каждым тяжёлым шагом её разум кружился, безмолвно задаваясь вопросом, что она сделала, чтобы заслужить всё это.

Поэтому она и не увидела лагерь, пока не оказалась на вершине холма. Пони спотыкалась между палатками, слепая ко всему, кроме тепла и света впереди. Даймонд упала рядом с небольшим костром, в котором, казалось, хранилось всё тепло, оставшееся в мире. Издалека она слышала крики удивления и вопли гнева — это явно были не пони, но Даймонд Тиара слишком устала, чтобы придавать этому значение. Кобылка едва успела разглядеть широкое плоское лицо и рот, полный острых зубов, как её охватил сон.

— Подъём, пони, — сказал кто-то, грубо толкнув её.

Даймонд Тиара разлепила глаза, сон почти не помог ей избавиться от усталости и голода. Она посмотрела вверх и увидела массивную собачью фигуру, нависшую над ней. Она не могла сказать, был ли это жеребец или кобыла, и его высокий, визгливый голос не помог ей это определить. Кобылка ничего не ответила, не зная, чего хочет от неё это существо.

— Вставай, маленькая пони, — сказал пёс. — Мы уходить сейчас, ты топать с нами.

— Почему? — с трудом выговорила она. Пока огонь угасал и дождь немного притих, её ноющее тело не хотело двигаться.

— Потому что маленькая пони потеряться и нуждаться в помощи, да? — Даймонд Тиара медленно моргнула, глядя на существо и понимая, что она должна как-то

отреагировать. Она кивнула, от этого движения у неё закружилась голова, а желудок заурчал, требуя еды. — Тогда маленькой пони по пути с алмазными псами. Так что тебе пора вставать.

По крайней мере, это она понимала. В её голове мелькнуло воспоминание о драконе, забравшем фермера и его фургон, но она так устала и была так одинока, что не могла заставить себя возразить псу. Она медленно поднялась на копыта, чувствуя в них пронзительную боль, которую холод и бесконечное путешествие заглушили перед сном. Даймонд споткнулась, едва не упав, но алмазный пёс протянул лапу и поддержал её.

— Хорошо. Пони может стоять. А теперь пони нужно ходить.

— Я голодна, — сказала она. Её язык был похож на наждачную бумагу, скрипящую по зубам. Он был слишком велик, и она, казалось, не могла вызвать хоть немного слюны, чтобы размягчить его. — Дайте мне что-нибудь поесть.

Пёс пожал плечами.

— Вся еда испортиться. Кроме мяса, а пони мясо не есть, так?

— Мне всё равно, — прохрипела она. — Я голодна.

— Мясо вредить пони, — сказал пёс, ухмыляясь так, что она бы испугалась, если бы не испытывала смертельной усталости. — Их от этого тошнить. Маленькая пони ведь не хочет болеть, так?

Она могла бы поспорить — и она хотела, но в тот момент у неё не было сил.

— Тогда воды? — спросила она вместо этого.

— Ха! Да. Вода пони можно, — пёс снял со спины большой кожаный бурдюк и протянул ей. — Открой рот, маленькая пони, — она сделала так, как её просили, и была вознаграждена струёй тёплой воды, брызнувшей ей в рот. Вкус у неё был удивительный и она быстро проглотила её. Слишком быстро, так как она тут же начала задыхаться и отплёвываться. Пёс посмеялся над этим, но продолжал удерживать бурдюк, пока она не смогла сделать ещё несколько глотков, не захлебнувшись. — Вот. Пони получить воду. Теперь мы можем идти, да?

Ей не хотелось идти пешком. Тиаре просто хотелось лечь и снова заснуть, пока этот ужасный сон не закончится и она снова не проснётся в своей постели в Понивилле.

Понивилль... мысль об этом месте заставило её тело инстинктивно сжаться от ужаса. Вспышка страха придала новую силу её уставшим конечностям, достаточную, чтобы двигаться. Она последовала за собакой, едва обращая внимание, чтобы не споткнуться о корни и камни. Её разум был полностью поглощён задачей отогнать воспоминание о том, каким она в последний раз видела Понивилль. Красное небо, земля, скользкая от крови, смех и холодные глаза, которые смотрели прямо в её душу, когда тело её отца упало, разбитое...

Нет! Она *не* вспомнит! Он исчез. Всё это ушло.

Это было несправедливо.

Когда она достаточно пришла в себя, чтобы обратить внимание на окружение, то обнаружила, что путешествует с длинной, неуклюжей вереницей сгорбленных фигур, несущих тяжёлые на вид мешки. Это были алмазные псы. По их лёгкой походке и шуткам, которыми они обменивались гортанными, грубыми голосами, она могла сказать, что они не были беженцами. Любопытство не было чем-то таким, что она могла чувствовать из-за усталости и голода, но она собрала его достаточно, чтобы поговорить с собакой, которая дала ей воды.

— Куда мы идём?

— В новые пещеры, — ответил пёс. — В новую шахту. Волшебная пони прийти в старые пещеры. Сказать, что теперь главная она, велеть нам идти в новые пещеры и копать там. Обещать нам драгоценные камни, да. Горы драгоценных камней.

— Волшебная пони?

Пёс энергично закивал.

— Волшебная пони.

Если это был ответ, на который она могла сейчас рассчитывать, ей придётся довольствоваться этим, по крайней мере, до тех пор, пока у неё не будет сил настаивать на чём-то большем, что имело смысл.

В какой-то момент они сделали перерыв на обед, дождь всё ещё лил, и было невозможно сказать, был ли на самом деле полдень или нет. Даймонд Тиара рухнула, как только ей сказали остановиться. Пёс, что помог ей подняться, на самом деле просто убрал её с дороги. Она не могла уснуть по-настоящему, а

скорее погрузилась в своего рода бодрствующий сон, где она не осознавала окружающего мира, но и не отдыхала должным образом. Её вывело из этого состояния что-то, прижатое к её губам. Она открыла глаза и увидела сморщенную коричневую штуковину, которую пёс сунул ей в рот. Она попыталась отстраниться, но её тело не отвечало, и она смогла лишь слабо вздрогнуть.

— Ешь, маленькая пони, — сказал пёс. — Свежие фрукты, польза для пони, да?

Фрукт? Если это был фрукт, то самый древний и гнилой, который она когда-либо видела. Тем не менее, её желудок о чём-то отчаянно кричал, поэтому она позволила собаке сунуть странный плод в рот и откусила. Она сразу почувствовала вкус яблока. Шкурку, то, как оно хрустело под её зубами, всё указывало на это. Вкус, однако, был совершенно неправильным. Вместо восхитительной сладости настоящего яблока этот ощущался тусклым и безрадостным. Он казался мёртвым на её языке, как будто всё, что делало яблоки хорошими, было высосано из него, оставив только пустую оболочку. Это было всё ещё узнаваемое яблоко, но такой блеклый представитель семейства едва ли заслуживал столь громкого названия.

Тем не менее, она съела всё, включая семена и сердцевину, но её желудок по-прежнему болел почти так же сильно, как когда был пустым, но это было хоть что-то. Когда она закончила, высокий спутник сунул ей в рот ещё одно засохшее яблоко, такое же плохое, как и первое, но она быстро справилась и с этим.

— Откуда они у тебя? — спросила кобылка через некоторое время, чувствуя, как к ней возвращаются силы. — Они ужасны.

— Ха, маленькая пони не заметить? — спросил пёс, усмехнувшись. — Мы стоять в саду. Где пони выращивать много фруктов, так?

Даймонд Тиара подняла голову и увидела, что они действительно находятся в тщательно ухоженной роще. В деревьях даже можно было узнать яблони — она видела их достаточно часто, когда её отец тащил её с собой на ферму Сладкое Яблоко... но яблоки, свисающие с этих деревьев, мало походили на большие, наливные плоды из её памяти. Эти яблоки были вдвое меньше тех, что она знала, их шкурка была сморщена и окрашена в оттенки коричневого и болезненно-жёлтого.

— Почему они такие?

Пёс сел рядом с ней.

— Это всё новые вожди пони. Одна из них взять с собой всю хорошую еду и уйти. По крайней мере, так путники рассказывают. Алмазным псам всё равно. Алмазные псы едят мясо. Мясо по-прежнему вкусно. Но маленькая пони должна есть уродливые яблоки. К своему несчастью.

— Это несправедливо, — всхлипнула кобылка.

— Ха! Нет. Жизнь несправедлива. Пойдем, маленькая пони. Я дам тебе ещё воды и мы снова шагать.

Шли дни, и странствующая колонна из собак и одной пони продвигалась на север. Дождь в конце концов прекратился, но появление солнца несколько не улучшило настроения Даймонд Тиары. Еда, которую они нашли для неё придавала ей сил, но каждый мягкий, безвкусный кусочек был напоминанием о том, что было потеряно. Её спутники не проявляли сочувствия к её судьбе. Собаки находили её слёзы забавными, если только те не заставляли её замедляться, и в этом случае высокие спутники начинали злиться и подталкивали её, чтобы она не отставала.

Ей отчаянно хотелось домой, но дома больше не было. Его поглотила земля. Даймонд хотелось прилечь на обочине и плакать до тех пор, пока не придёт кто-нибудь другой, но собаки ей этого не позволили. Они подгоняли её, давали воду и угощали едой, так что боль в животе гнала её вперёд не меньше, чем их требовательные голоса.

В конце концов они добрались до защищённой долины расположенной в тени двух больших гор и нашли там шахту.

Шахту разработали пони, это было легко заметить. Рядом располагались хозяйственные постройки, стальные гусеницы повозок, бросался в глаза их тщательно отполированный внешний вид — всё это говорило скорее о чувстве прекрасного свойственном пони, чем о грубых предпочтениях собак. Однако, она была заброшена. Двери были широко распахнуты, повсюду валялись инструменты. Даже Даймонд Тиара видела, что это место было оставлено в спешке.

— Что здесь произошло? — спросила она своего проводника.

— Сумасшедшая пони прийти на север, — сказал пёс, раздувая ноздри и вдыхая запахи шахты. — Из-за неё камни озлобятся. И съесть много пони. Чавк-чавк-чавк! — Даймонд Тиара вздрогнула, не в силах удержаться от того, чтобы не представить, на что это могло быть похоже. — Волшебная пони говорить, что теперь здесь безопасно. Она отдать их нам. Ха! Теперь шахта пони принадлежать алмазным псам. — Пес присел на корточки, провёл своей лапой по земле, поднял её и глубоко обнюхал. — Хорошо, славно. Много драгоценных камней в этом месте, да. Уйма драгоценных камней. Вот увидишь, маленькая пони. Там, внизу, такие красавицы.

— Внизу... там? — Даймонд Тиара посмотрела в сторону входа в шахту. Можно было предположить, что в недавнем прошлом она выглядела по-своему изящно, сработанной в прочной манере свойственной земным пони. Теперь она замечала только темноту внутри, и новый страх начал ползти вверх по её горлу. — Нет... я не хочу туда спускаться!

— Алмазные псы спасти пони от смерти на дороге, — сказал пёс, ухмыляясь ей. — Теперь маленькая пони обязана жизнью алмазным псам. В благодарность за спасение, маленькая пони теперь работать на нас.

— Нет! — взвизгнула Даймонд Тиара. — Я не собираюсь туда спускаться! Ты не можешь меня заставить!

Собаки вокруг неё засмеялись, как будто она только что рассказала самую смешную шутку, которую они когда-либо слышали. Тот, кто давал ей воду и еду, положил лапу ей на плечо, и она не могла ошибиться в том, что когда когти впились в неё — это была угроза.

— Маленькая пони будет работать, — повторил пёс, понизив голос до мягкого рычания. — Своей жизни ради. Да?

Она открыла рот, чтобы закричать, но когти впились в неё. Её шерстка, испачканная в дни тяжёлых путешествий, вдруг покрылась тонкими красными полосками. Её сердце бешено колотилось, а голос пропал. Казалось, возвращение её силы сопровождалось возвращением способности бояться. Пёс выжидающе смотрел на неё, и Даймонд Тиара кивнула, сглотнув, пока снова не обрела голос.

— Д-да, — ответила она.

— Хорошая маленькая пони, — сказал пёс, сняв лапу с её плеча, погладив кобылку по голове. — Ах! Что пони держать в гриве? — спросил он, потянувшись за диадемой, которая так запуталась в её волосах, что стала невидимой.

Даймонд Тиара попятилась назад.

— Нет! — закричала она, охваченная новой, более глубокой паникой.

Пёс зарычал, показывая ей когти, испачканные её кровью.

— Сидеть, маленькая пони. Ты принадлежать алмазным псам, и всё, что есть у тебя, также принадлежать нам!

— Нет, пожалуйста! — воскликнула кобылка, заливаясь слезами. — Пожалуйста, не забирайте её! Это единственное, что у меня осталось! Это всё, что напоминает мне о семье! Прошу!

Пёс долго смотрел на неё. Она увидела нерешительность в его глазах, крошечную искорку сочувствия. Она съёжилась перед собакой, пытаясь выглядеть жалкой, пытаясь заставить эту искру вспыхнуть. Но тут пёс взглянул на своих братьев, которые с жадным блеском в глазах следили за Даймонд Тиарой. Это решило исход дела больше, чем все милые мордашки, которые она когда-либо могла соорудить.

— Нет. Сидеть и не бегать, или маленькая пони получать наказание.

Она боролась с ними. Брыкалась, кричала и кусалась, но она была голодной, слабой кобылкой, а они — бандой закоренелых шахтёров. Итог их противостояния был ясен.

Это было несправедливо.

Даймонд Тиара работала, и работала усердно.

Туннели шахты представляли собой бесконечный извилистый лабиринт бесконечной тьмы. Особенно потому, что собаки постоянно добавляли новые

шахты и ответвления, расширяя зону поиска драгоценных камней и свои тесные жилые конуры. К ужасу Даймонд Тиары, они предпочитали жить под землёй в своих норах, а не в построенных пони хозяйственных постройках, и поэтому ей тоже пришлось ютиться с ними. Запертой вместе с псами и темнотой, затхлым воздухом, пылью и потом. Удивительно, как быстро она привыкла не видеть солнца. Пугало, как же незаметно она приспособилась к новой жизни.

Она даже не могла вспомнить, сколько времени провела в этих туннелях. Сначала она пыталась сосчитать свои сны, но вскоре сбилась со счёта и теперь безнадёжно запуталась. Прошло по меньшей мере несколько месяцев, но казалось, что прошли годы. Всё, что у неё было, чтобы отметить ход времени — это её растущее тело и длина волос, прежде чем собаки снова обрежут их.

Хорошо, что собаки остригли ей гриву и хвост. В противном случае они бы только и делали, что собирали сажу и грязь в шахте. Она, конечно, никогда не смогла бы поддерживать их на прежнем уровне. Кобылка шептала это себе снова и снова, каждый раз, когда мотала головой или махала хвостом от какого-нибудь насекомого или кусочка пыли, которые падали на неё, только чтобы не найти там ничего, что могло бы смахнуть обидчика. Она надеялась, что если будет повторять это достаточно часто, то даже поверит.

Задачи, которые ставили перед ней собаки, не были замудрёнными, но они были бесконечными и изматывающими. В основном от неё требовали перетаскивать инструменты с верхних уровней к расширяющимся нижним ярусам шахты. Она ещё не была достаточно сильна, чтобы передвигать обломки породы, и ей не доверяли груз драгоценных камней. Однако она знала, что такой труд в конце концов станет частью её жизни. Собаки регулярно давали ей это понять. Для них пони годилась только для того, чтобы таскать камни с одного конца шахты в другой.

Хуже всего для неё была не работа и не постоянные притеснения от собак, которые видели в ней идеальную боксёрскую грушу, чтобы выместить на ней своё разочарование и агрессию. Это была темнота и одиночество. Она шла бесконечными каменными коридорами, где не было слышно даже звуков когтей и кирки, пока она не подходила к рабочим участкам. Фонари, которые ей давали, едва освещали землю у её копыт. Иногда свет в них гас, пока она была в глубинах, и ей приходилось искать дорогу обратно в лабиринтах по памяти и на ощупь.

В этой тихой темноте её посещали воспоминания. Воспоминания о семье и счастливых временах. Воспоминания о том, как те времена закончились. Этого

было достаточно, чтобы помочь ей ненадолго забыться до тех пор, пока она вновь не услышит грубые голоса и не почувствует зловоние алмазных псов, которые потребуют, чтобы она вышла из лабиринта.

Лабиринты представляли собой самую верхнюю область шахт, которые уже были лишены каких-либо ценных камней и минералов. Основные области остались от пони-шахтёров, которые первоначально создали шахту, сделав её широким, хорошо спроектированным местом. Практически вылепленной из камня. Собаки заняли эти главные комнаты и туннели, а затем каждый вырезал свою собственную берлогу. В отличие от комнат, сделанных пони, эти были построены строго по предпочтениям алмазных псов; это означало, что они представляли собой узкие маленькие грубые отверстия, заполненные детритом, который вонял гниющим мясом и немытым хозяином.

Поскольку у Даймонд Тиары не было ни возможности, ни желания выкраивать собственное маленькое пространство, ей постелили тюфяк в грязном углу одной из главных комнат под тусклым светом общих ламп. Эти редкие фонари, казалось, создавали больше теней, чем убирали; но это все равно было разительным отличием от бесконечной черноты туннелей, поэтому она наслаждалась хоть этим горьким светом.

Она была уже на полпути к своему тюфяку, оставив тележку со сломанными и ненужными инструментами сбоку от входа в зал, когда заметила, насколько там было оживлённо. Алмазные псы носились взад и вперед, унося грузы вглубь туннелей. Даймонд остановилась у спального места, чтобы понаблюдать за суматохой.

Иногда, в своей первой жизни, она пинала муравейник и наблюдала, как трудолюбивые маленькие насекомые сновали вокруг в безумной панике, пытаясь починить свой дом. Здешние собаки напоминали ей об этих муравьях, хотя вместо ощущения превосходства, которое она испытывала тогда, всё, что она могла назвать сейчас, было смутное любопытство. Потребовалось несколько минут тупого интереса, прежде чем она начала понимать, что они бегут. И ещё немного, чтобы задаться вопросом: почему именно сейчас, и отчего в такой спешке?

— Пони! — окликнул её знакомый голос. Она посмотрела, чтобы взглянуть на пса, который направлялся к ней. Диадема, которую он отобрал у неё теперь болталась у него на шее. Она вздрогнула при виде его. От других собак она узнала, что его зовут Гюнтер, хотя он так и не удосужился представиться ей. Ни одна из собак не представилась, и было неважно, знала ли она, как их называть. Всё, что от неё

требовалось, это повиноваться.

Она не встала по стойке "смирно", собаки этого не требовали. Даймонд смотрела, как Гюнтер подошёл к ней, широко раскрыв глаза и раздувая ноздри, вдыхая запах испуганной стаи вокруг них.

— Пони ведь не доставить никаких проблем, так?

— Да, — ответила она почти автоматически. — Со мной не будет никаких проблем.

— Добро, добро, — ответил Гюнтер, отстранённо поглаживая диадему.

Одно это движение пробудило кровь Даймонд Тиары к жизни. Это напомнило ей, что маленькая серебряная корона принадлежит ей по праву, что у него не было причин отнимать её. Это раздуло волну раздражённого бунта. Та, которую её наивность не позволяла скрыть, а он при этом был слишком рассеян, чтобы это увидеть.

— Что происходит? — спросила она.

— Посетитель, — ответил Гюнтер. — Волшебная пони посылать гостя к нам в шахту, да. Алмазные собаки много работать. Алмазные собаки работать быстро. Хотя, возможно, недостаточно быстро для волшебной пони.

Она не ответила. Она знала, о ком он говорит. Знала её настоящее имя и какой жестокой и непостоянной она может быть. Мысль о том, что эта пони может заявиться сюда, охладила зарождающееся в ней пламя, заглушив все мысли, оставив ей желание побежать так глубоко в туннели, насколько хватит её сил и затаиться там. Она посмотрела на тёмный вход в более глубокие шахты, и эта пустая темнота вдруг показалась ей не такой уж плохой. Она чуть не ускакала, чуть не пустилась галопом, но было уже поздно. Суeta собак прекратилась, как только распространился слух, что посетитель уже здесь, и вскоре они выстроились в ряды, стремясь угодить своему уважаемому гостю.

Пони, вошедший в царство лабиринтов, был высоким, грациозным жеребцом-единорогом с безукоризненно уложенной серебристой гривой. Он был стар, но двигался легко и изящно и смотрел на собак с холодным презрением, граничащим с уничижением. Он был облачён в сине-чёрную униформу с характерным военным кроєм, серебряные цепи свисали с того, что, вероятно, было знаком его должности на груди. Однако на шее его был бесшовный ошейник из песчано-коричневого камня, совершенно не сочетающийся со всем его

облачением.

Один из предводителей алмазных псов, их альфа-самец, шагнул навстречу жеребцу. Тот просто безразлично взглянул на пса.

— Колдунья шлёт вам привет, — начал жеребец. Его голос звучал безразлично к своре собак, ожидающих встречи с ним. Каждое слово было произнесено холодным монотонным голосом, ясно говорившим о том, как мало его волнуют те, кто перед ним. — Я Благородный Заступник, один из Её Избранников, и я буду представлять Её вам и другим поселенцам в этом регионе. Я выслушаю ваши прошения и назначу быстрое и суровое наказание за любой проступок. — Он сделал паузу, чтобы слушатели осознали сказанное, и продолжил. — Колдунья надеется, что вы в полной мере оценили её щедрый дар — этот рудник, который стал подходящим домом для вас и ваших близких.

— Да, волшебная пони хорошо относиться к алмазным псам, — сказал альфа. Он подобострастно поклонился, его высокий голос скрипел в высоких нотах, когда он улыбался. — Я счастлив, что у нас в гостях друг волшебной пони.

На это Заступник фыркнул.

— Я не останусь. Однако я буду проверять то, что вы уже смогли раскопать. И... — его глаза увидели Даймонд Тиару и сузились. — Эта пони живёт с вами?

Вопрос был задан тем же мёртвым голосом, которым он произносил всё остальное, но всё же внезапная волна надежды и страха сжала грудь Даймонд Тиары. Последовало долгое молчание, когда альфа посмотрел туда, где она стояла, гнев сжал его лицо, пока его зубы не начали медленно выступать наружу.

— Да, — рискнул ответить альфа.

Она не знала, как ей поступить. Какая-то часть её хотела обратиться к жеребцу, умолять забрать её от этих грубых тварей, наказать их за всю ту боль, что они ей причинили и отняли у неё то, чем она больше всего дорожила. Но большая её часть помнила тошнотворный хруст, в момент когда убили её отца. Кобылка знала, кому служит этот жеребец, тому злу, которое он называл Колдуньей. В его глазах не было и намёка на беспокойство или теплоту, в них читался только холодный расчёт. Она не окликнула его. Даймонд Тиара вообще не издала ни звука. Её взгляд снова метнулся к туннелям, и в ней опять зародилась тоска по глубокому одиночеству в шахтах.

— Она всё ещё кобылка, — задумчиво произнёс жеребец, и в его голосе появились первые намёки на индивидуальность, которые она от него слышала.

— Маленькая пони работать на алмазных собак, — заговорил Гюнтер, заработав свирепый взгляд альфы. Он съёжился, но продолжил: — Алмазные псы спасти жизнь маленькой пони. Маленькая пони платить свой долг.

Ей хотелось закричать. Это никогда не убедит жеребца оставить её здесь, и хотя ей хотелось быть подальше от жестокого обращения со стороны алмазных псов, она не хотела уходить с ним. Жеребец напряжённо задумался.

— Она должна пойти в школу, — сказал он, кивая, как будто это было решено.

— В школу? — спросил Гюнтер.

— Колдунья особенно печётся о воспитании детей, — сказал единорог. — Все кобылки и жеребята младше определённого возраста будут посещать одну из её школ. Я буду руководить местной школой, пока не найду подходящего наставника. Вы будете посылать её туда на шесть часов каждый день.

— Но... но маленькая пони работать на алмазных собак! — запротестовал альфа.

— И всё же она будет посещать школу по шесть часов в день. Я предлагаю вам получить как можно больше пользы от других восемнадцати, — сказал он, и она поняла, что отныне её жизнь в шахтах станет ещё тяжелее.

Это было несправедливо.

Школа Заступника едва ли заслуживала такого названия. Не говоря уже о том, что она располагалась в ветхом заброшенном коттедже с полудюжиной других жеребят, вынужденных покинуть свои семьи, да ещё и порядок занятий был настолько регламентирован, что не было времени даже познакомиться с другими учащимися. Хуже всего было то, что Избранный был неумелым учителем. Он был холоден, подобно своему каменному ошейнику. Его манеры были неизменно формальными, но на каждый намёк на юношеское бунтарство он отвечал

быстрым и жёстким наказанием. Уже знакомая с отчаянием, усталостью и переутомлением мышц от шахт, в школе Колдуньи Даймонд Тиара познала совершенно новые горизонты боли.

Сами уроки вращались вокруг правил этикета, основ искусства и арифметики. Исчезли весёлые проекты, интересные уроки, сам дух начальной школы, который она помнила ещё до падения мира. На смену ему пришли бесконечные упражнения в ораторском искусстве и механическое повторение пустых фактов и цифр. Поначалу кобылка тосковала по Черили. Её бывшая учительница была феноменальным наставником, даже если она и не ценила её в то время. Вскоре, к своему ужасу, она поняла, что не может даже вспомнить лица мисс Черили.

И всё же это было нечто иное, чем бесконечные туннели и работа в шахтах. Но время шло, и в конце концов она стала достаточно взрослой, чтобы Избранный более не требовал её присутствия. Когда ей сказали, чтобы она не возвращалась, она заплакала в первый раз с тех пор, как начала работать в шахте. С того дня она вообще не видела неба. Весь её мир стал тьмой и камнем, и она забыла о солнце.

Она забыла запах свежего воздуха и вкус дождя на ветру. Она забыла своих друзей и радость песни. Кобылка изгнала их из своей памяти, зная, что только ужас лежит в свете этих угасающих воспоминаний. Очень скоро, она забыла даже своё имя. Собакам было всё равно, как её зовут. Она была для них "пони", не более. Поэтому она стала Пони. Только это имело смысл. Бриллиантовая тиара принадлежала теперь Гюнтеру, а кьютимарку на её боку невозможно было разглядеть под слоями грязи и пыли, которые запеклись и просто никогда не смывались.

Месяцы сливались в годы, отмеченные ростом её тела и угасанием её мечтаний. По мере того как она становилась сильнее, алмазные псы нагружали её дополнительной работой, не давая забыть о её месте рядом с ними. Она была пони среди собак, годная только для перевозки тяжёлых грузов.

Пони было всё равно. Пони не была личностью. Пони принадлежала всей стае. Пони предстояло работать до тех пор, пока она не упадёт. После чего её кормили, поили и она проходила новый круг ада.

Пони редко разговаривала. Когда она это делала, то произносила несколько слов за раз и только то, что было необходимо, с устойчивым, высококлассным акцентом, который был вбит в неё в школе.

Такова была её жизнь. Волоча камни и инструменты вверх и вниз по бесконечному

лабиринту тьмы под землёй, с собаками, осыпавшими её бранью всю дорогу. Она больше не слышала их слов. Только приказы. Темнота, некогда бывшая местом ужаса и боли, стала её домом, и она позволила той затопить себя с возрастающим рвением. Она забыла всё, чем была, всё, что знала. Отчаяние, смерть — всё это не имело значения в шахтах. Ничто из этого не могло преследовать её до тех пор, пока всё, что она могла видеть, были каменные стены, освещённые её единственным бледным фонарём.

Это было своего рода утешение.

Это не могло продолжаться долго.

Пони не понимала, что происходит, но она была в темноте, и поэтому ей было всё равно. Собаки были в панике, страх придавал их действиям резкую быстроту. Она и раньше видела, как они суеются, готовясь к важным визитам, обычно к визиту Благородного Заступника, но в этот раз было что-то другое.

Они, как всегда, не обращали на неё внимания. Она стояла у своего грязного тюфяка, готовая вытянуться по стойке "смирно", лечь и заснуть или быть готовой тащить очередной груз камней. Всё, что прикажут её хозяева. Их спешка не тронула её. Однако это сделал их страх.

В ней вспыхнуло воспоминание о первом визите одного из Избранных. Именно тогда они были так напуганы. Собаки быстро поняли, что Избранных волнует только то, что они производят, а не то, соответствует ли их рудник стандартам пони. Тогда они перестали бояться Избранного, хотя по-прежнему относились к нему с большим почтением и уважением. Хотя они и старались хорошо выглядеть для своих благодетелей и тех, кто торговал с ними припасами, с тех пор они никогда не боялись посетителей.

Она погасила воспоминание, когда оно пришло, окутав себя пустой темнотой, чтобы больше мыслей из мёртвого прошлого не поднялось из могил.

Из входного туннеля, ведущего на поверхность, донёсся крик, и все собаки замерли на месте. Мгновение спустя свет вторгся в тусклые пределы лабиринтов, яркое голубое свечение, которое смыло тени и послало волну страха вперёд, как

цунами. В животе у Пони образовалась тошнота, как будто её вот-вот вывернет. Она отказывалась понимать, всё глубже зарываясь в темноту, чтобы избежать мыслей, которые вызывал свет. Собаки пригнулись к земле, многие тихо заскулили, когда источник света вошёл в зал.

Она была прекрасна. Её белая шёрстка сияла, словно бриллиант, самая чистая вещь, которую Пони видела за последние десять лет. На вошедшей был плащ из украшенной драгоценными камнями ткани, за которым тянулись клочья мерцающей вуали, которые эфирно плыли за ней, как будто всё это происходило под водой. Её грива и хвост были уложены в сетку из сапфиров и жемчуга, а глаза были подведены тёмной тушью, отчего их голубизна, казалось, горела так же ярко, как и сияние вокруг её изящно закрученного рога. Неуместно простое золотое ожерелье удерживало пурпурный бриллиант на её шее.

Она не постарела ни на день.

Эта мысль сильно ударила Пони, заставив её грудь сжаться от сильного страха. Колдунья, кобыла, разрушившая жизнь и мечты кобылки, которой когда-то была Пони, была здесь.

— Могучая пони! — воскликнул старый альфа-пёс, практически ползком поприветствовал правительницу Хартленда. — Алмазные псы не ждать ваш визит. Пожалуйста! Простите алмазных псов за то, что они не знают.

Колдунья улыбнулась, и в этой улыбке было столько теплоты и понимания, что Пони почувствовала, как у неё подступила тошнота.

— Конечно, дорогие мои. В конце концов, это мой вам *сюрприз*. Вы производите для меня такие замечательные драгоценности, что мне просто необходимо было спуститься и посмотреть, откуда они родом. — Она наклонилась к съёжившему псу и хитро подмигнула ему. — Когда-то и я была вам верным копытом, что искала драгоценности, знаешь ли. Другие обязанности, конечно, взяли верх, но я думаю, это будет прекрасным напоминанием о тех беззаботных днях, что остались позади.

— Да, да! — пискнул альфа. — Шахта очень проста. Да. Уходить сильно глубоко.

— О, понимаю, — сказала Колдунья с ухмылкой. Она подняла глаза, чтобы посмотреть на пресмыкающихся собак, и её взгляд упал на Пони.

Пони почувствовала слабость в ногах. Темнота была выжжена синим светом магии

колдуньи. Слои времени и пустоты были сорваны, и воспоминания, так долго похороненные, выскочили на первый план. Пони тихонько вскрикнула, чуть громче хриплого писка, но Колдунья это услышала и задумчиво склонила голову набок.

— А, пони о которой мне рассказывал Избранник! Я удивлена, что ты всё ещё живешь с этими грубыми тварями. — Пони не могла ответить, ей казалось, что её горло сдавило, не давая дышать. — На самом деле, теперь, когда я вижу тебя своими глазами, ты кажешься мне знакомой. Мы уже встречались? — спросила она, подходя к Пони. Собаки расступились, освобождая ей путь. Один оказался недостаточно расторопным, и Колдунья наступила ему на лапу. Пёс рефлекторно ударил, и лапа, которой он нанёс удар, разлетелась вдребезги, как будто оказалась сделана из стекла в тот момент, когда соприкоснулась с шерстью единорожки. Колдунья даже не заметила нападения или раненого пса, только нахмурилась, когда тот начал выть в агонии. — Пожалуйста, угомоните его, дорогие. Мне бы хотелось поговорить. — Собаки бросились выполнять её команду, хватая кричащего товарища, зажимая его морду и заставляя замолчать.

Пони едва заметила это, её глаза были прикованы к приближающейся правительнице. Перед её глазами снова пронеслось разрушение её родного города. Смерть её отца. Она вспомнила долгий путь к шахте и имя, которое у неё украли. Она вспомнила свой страх и бесконечное отчаяние.

— Да! Я помню тебя! Ох, Дискорд. Ты выросла, дорогуша, и превратилась в весьма внушительный экземпляр! — сказала Колдунья, протянула копыто и обхватила им морду Пони. — Мне было интересно, удалось ли тебе сбежать. Я даже потратила некоторое время на твои поиски, знаешь ли. Подумать только, ты всё это время была здесь, в моих владениях. Ну что ж, теперь я нашла тебя, не так ли, Даймонд Тиара?

Пони хотелось вернуться в темноту, в бесконечные пустые туннели. Она не хотела вспоминать. Она не хотела этого знать. Ничего не иметь — значит ничего не терять, и это её вполне устраивало. Иметь всё и лишиться всего, кусок за куском, это была невыносимая мука.

Она бежала во тьму, оставшуюся в её сознании, но знала, что это не продлится долго. Её нашли. Колдунья собиралась отнять у неё даже утешение пустоты.

Это было несправедливо.

Она медленно приходила в себя. Под ней было какое-то странное чувство. Мягкость, напоминая ей детскую постель. Однако это воспоминание вело только к другим горьким напоминаниям, и весь ужас её жизни возвращался к ней один за другим.

Она заплакала. Кобылка свернулась калачиком на мягкой кровати и плакала, пока не почувствовала нежные копыта, держащие её, и тёплый запах другой пони.

— Ш-ш-ш, — прошептал ей на ухо чей-то голос. Успокаивающий, заботливый, почти материнский. — Всё в порядке, дорогуша. Я здесь. — Колдунья крепче сжала её в объятиях, и Даймонд Тиара заплакала ещё сильнее.

В конце концов её слёзы иссякли, и она продолжила дрожать в утешительных объятиях величайшего зла, которое когда-либо знала. Время шло, хотя она уже давно потеряла способность сказать, сколько именно. Пони знала, что рано или поздно что-то должно было произойти, поэтому, когда её рыдания закончились, она с трудом сглотнула и заговорила:

— Почему?

— Прости, дорогуша, но о чём ты спрашиваешь? — голос Колдунии был не похож ни на один из тех, что она слышала с тех пор, как пал мир. Мягкий, эмоциональный, непринуждённый. В нём слышался тот же изысканный акцент, что и у неё в школе Избранника, но без принуждения. Это звучало прекрасно.

— Зачем... ты убила их? — спросила она, с трудом произнося столько слов сразу после столь долгого молчания.

Последовала пауза, а затем Колдунья усмехнулась.

— Потому что они были моими, и я могла делать с ними все, что захочу. Даже убивать.

— Я не... — Даймонд замолчала, задыхаясь от рыданий.

— Да, едва ли это для тебя утешительно, не так ли, дорогуша? — задумчиво произнесла Колдунья, поглаживая короткую гриву Даймонд Тиары. — Боюсь,

полное объяснение также не поможет. Достаточно сказать, что были трудности с переходом от того, кем я была раньше, к тому, кем я стала теперь. В конце концов, бабочка должна разорвать свой кокон, чтобы родиться. — Она пошевелилась, отпуская Даймонд Тиару.

Кобылка открыла глаза и обнаружила, что всё ещё находится в шахтах. Она узнала в комнате маленькую боковую каморку в лабиринте. Обычно её использовали под складское помещение. Всё было убрано, и на месте инструментов стояла большая кровать с четырьмя столбиками. Даймонд Тиара на мгновение задумалась, как её сюда занесли, кровать выглядела слишком широкой, чтобы её можно было внести целиком, не повредив. Кроме неё и Колдуньи в комнате больше никого не было, дверь плотно закрылась за остальными обитателями лабиринтов. Колдунья стояла у кровати, глядя на неё с непроницаемым выражением. У той не было причин утешать её, и у Даймонд Тиары возникло тошнотворное подозрение, что всё это может быть просто игрой разума. Что-то, чтобы посыпать солью раны, впервые открывшиеся с давнего времени.

— Ты разрушила мою жизнь, — сказала она.

— Полагаю, что да, — без тени вины ответила Колдунья. — Это всё, о чём ты можешь думать, или ты в состоянии двигаться дальше?

Прямой вопрос прозвучал как пощёчина. Даймонд Тиара почувствовала, как в ней поднимается раскалённая ярость. Ей хотелось закричать на единорожку. Она хотела напасть на неё. Теперь она была окрепшей, достаточно сильной, чтобы раздавить камни голыми копытами. Но она не двигалась, вспоминая, что случилось с собакой, которая бездумно набросилась на Колдунью. И она понимала, что её попытка будет иметь те же последствия. Правители были бессмертны, неприкосновенны. Колдунья была такой же невосприимчивой к её гневу, какими были алмазные псы, когда она была кобылкой. Она всё ещё была беспомощна. Ярость замерла, и её место занял знакомый страх. Кобылка посмотрела на кровать.

— Я... — она остановилась, набирая слюну в пересохший рот. Она снова попыталась заговорить, но слова не шли, и она просто кивнула.

Колдунья улыбнулась ей, как солнце, вышедшее из-за туч.

— С тобой ужасно обращались, не так ли, дорогуша? Однажды меня тоже похитили алмазные псы. Конечно, я справилась гораздо лучше, чем ты. Сами по

себе они простые существа и преклоняться перед любым, у кого сильная воля и высокий голос. Ты ведь не пыталась ныть при них, нет? — Она не стала дожидаться ответа. — Нет, определённо нет. Достаточно сказать, что я понимаю, через что тебе пришлось пройти. Я не склонна слишком вмешиваться в жизнь моих подданных. Я предпочитаю быть великодушной, предоставляя им свободу, включая свободу быть порабождённой стаей неотёсанных головорезов в грязной старой шахте, если тебе так угодно.

Даймонд Тиара моргнула. Она уже давно не использовала свой разум в полной мере, и сейчас мысли приходили медленно, но она понимала, по крайней мере, часть того, что говорила Колдунья.

— Что... что ещё я могу сделать?

— Ну, я могу предоставить тебе место в моей личной гвардии, — Даймонд Тиара отпрянула, частично от страха, а частично от того, насколько эта идея действительно привлекала её. Мысль о том, чтобы стать одной из её Избранниц, надеть каменный ошейник на шею и быть рядом с этой мерзостью всю оставшуюся жизнь, должна была вызвать у неё тошноту. И всё же, несмотря на воспоминания, Колдунья уже не была страшным зверем. Она казалась даже тёплой. Она не искала оправданий тому злу, которое совершила, и явно не чувствовала вины за те жизни, которые отняла. Но она была милой, и даже держала Даймонд Тиару в копытах, когда та плакала. Это было мгновение того искреннего тепла, которого она не чувствовала так долго, и оно загло в ней желание настолько сильное, что оно подавило страх внутри неё.

— Почему я?

— Потому что я щедрая, — ответила Колдунья. — И это кажется справедливым.

— Справедливым, — повторила Даймонд Тиара. Это слово отдавалось пеплом во рту.

— Ну да, это достаточно справедливо.

— И мне... найдётся работа?

— О, да! — рассмеялась Колдунья. — Конечно. Такая же напряжённая, какую ты выполняла здесь. Возможно, в куда большем объёме. Но ты будешь делать это с небом над головой и рядом с друзьями.

Даймонд Тиара кивнула. Как работать она теперь хорошо знала.

— Друзья. Будешь ли ты... моим другом?

— Нет, — отказ белоснежной единорожки был таким же ярким, как и всё то, что она сказала до этого. — У меня есть друзья, дорогая, и ты *не* хочешь быть одной из них. Но уверяю тебя, будут и другие. Найдётся немало других пони, которые захотят с тобой подружиться, и некоторые, с кем ты, возможно, сама захочешь дружить. Я дам тебе место. Я дам тебе силу, Даймонд Тиара, и цель, чтобы идти к ней. Я сделаю так, что все эти годы здесь, внизу, стоили этой боли. Подумай об этом. Все эти ужасные трудности действительно что-то значат, и это очень ценная награда.

— Как?

— Скажи "да" и узнаешь. Всё, что тебе нужно будет сделать, это поклясться мне. Целиком и полностью. Всем, чем ты являешься, всем, кем ты была, и всем, чем ты когда-либо станешь, будет моим. **Моим**. Сделай это и я клянусь, что в свою очередь буду щедрой с тобой.

— А что, если я скажу "нет"? — уже зная ответ, она всё равно должна была спросить.

Улыбка Колдуньи не дрогнула, но в глазах мелькнула печаль.

— Тогда ты останешься здесь, в грязи, с собаками, и всё окажется напрасно.

Часть её хотела темноты. Успокаивающей пустоты туннелей. Но ничто порождает только ещё большее ничто, и это бессмысленное оцепенение было заманчиво только тогда, когда альтернативой была бесконечная боль. Утешение, что она получила в течение нескольких минут в объятиях Колдуньи развеяло эту пустоту. Мысль о том, чтобы завести друзей, вызвала ещё больше воспоминаний, вспышек забытого мира, где она умела смеяться. Где она разделяла своё время с серой кобылкой, имени которой уже не помнила.

Она посмотрела на Колдунью, поднимаясь с кровати.

— Я хочу одну вещь.

Колдунья рассмеялась.

— Я предлагаю тебе гораздо больше, на что ты только можешь рассчитывать, дорогуша. Не испытывай судьбу.

— Только одну вещь, пожалуйста, а всё остальное — твоё.

— Хм? — Колдунья постучала копытом по подбородку, обдумывая это. — И что же это?

— Моя тиара. Всё остальное может быть твоим, но, пожалуйста, Она... она моя.

— О! — Колдунья ахнула. — Ну конечно! Без неё ты практически сама не своя, не правда ли? — Даймонд Тиара покачала головой. — Ну что ж. Если я дам тебе тиару, ты станешь моим Избранником?

— Я... конечно.

— Как ты её потеряла?

— Собаки... они... забрали её.

— Ты им позволила? — Даймонд Тиара покачала головой. Колдунья поджала губы и вторила кобылке. — Бедняжка. Что ж, давай всё исправим. — Её рог запульсировал, посылая вспышку силы через камень. — Пойдём со мной.

Она повиновалась, следуя за единорожкой из кладовой в главные покои лабиринтов, где алмазные псы с трепетом ожидали своевольных требований правительницы Хартленда. Колдунья едва взглянула на них, быстро, доверительно шагая через их ряды. Теперь они ещё быстрее убирались с её пути, видя, к чему приводит недостаточная скорость. Она направилась напрямик к Гюнтеру, магия притягивала её к нему, как магнит. Он попытался уйти вместе с другими собаками, но когда она изменила курс, чтобы перехватить его, все очень быстро поняли, кто её цель.

Он подобострастно упал на пол пещеры, когда Колдунья остановилась перед ним с Даймонд Тиарой на буксире.

— Ну-ну, дорогуша, это твоя тиара?

— Д-да, — выговорила она. Магия Колдунии подняла Гюнтера в воздух, диадема сорвалась с верёвки на его шее и мягко легла на голову Даймонд Тиары.

— Боюсь, её придётся немного починить и отполировать, — заметила Колдунья, осматривая мятую и грязную тиару. Она всё ещё удерживала Гюнтера в своём захвате, и тот начал жалобно скулить. — Но теперь она вернулась на своё

законное место.

Почти не веря произошедшему, она протянула копыто, чтобы прикоснуться к холодному металлическому украшению на своей голове. Её захлестнула волна благодарности перед чудовищем, которому она кланялась. Новые слёзы обожгли её глаза.

— Клянусь. Всё, что у меня есть будет принадлежать тебе. Вся моя жизнь, — произнесла она хриплым шёпотом. Новая тяжесть навалилась на неё, и она посмотрела вниз, чтобы увидеть кольцо из расплавленного камня, снятого со стен шахты и преобразованного в ошейник, который сомкнулся вокруг её шеи. Страх почти поглотил её, но не обжёг. На самом деле, новая тяжесть чувствовалась прохладной. Успокаивающей. На неё опустилось одеяло спокойствия, и она услышала голос Колдуньи. Не в ушах, а в голове.

"Тебе больше не нужно бояться. Ни печали, ни одиночества, ни отчаяния. Ты моя — Даймонд Тиара. Отныне и навсегда".

Она выпрямилась, её суставы хрустнули, когда она встала во весь рост и расправила плечи. Она чувствовала силу в своих мускулах, чувствовала силу в конечностях, которую она проигнорировала в пользу пустоты. Она оглядела море собак вокруг, и те посмотрели на неё со страхом и удивлением. Впервые она не отпрянула от их пристального взгляда. Они уже не казались такими ужасными. И теперь выглядели такими ничтожными. Под её копытами.

— Теперь у тебя есть долг, дорогуша, — сказала Колдунья. — Я бы хотела, чтобы ты управлялась с ним, чтобы я могла продолжить экскурсию по шахтам.

— Долг? — непонимающе спросила кобылка.

— Конечно. Я не терплю воровства в своём Хартленде, а этот пёс украл у тебя.

— Да, — Даймонд Тиара посмотрела на собаку, парализованную магией. — Как же мне с ним поступить?

— Ну, я полагаю, ты могла бы растянуть это дело. Но, наверное, будет лучше, если ты убьёшь его быстро.

— Убить... его, — Даймонд Тиара почувствовала, как эта мысль давит на неё, и обнаружила, что она вовсе не так возмущена, как ожидала.

— Да, дорогуша. Убей его, — Колдунья толкнула Гюнтера лицом в пол, где он

распростёрся и завизжал от страха. — Чисто, пожалуйста. Небесам известно, что придать прежний блеск твоей шёрстке будет достаточно непростой задачей, даже не смывая с неё кровь.

Гюнтер умоляюще посмотрел на неё. Она вспомнила, как делала то же самое с ним и как он смотрел на своих товарищей. Она так и поступила, и не увидела на их лицах ничего, кроме страха. На этот раз они не придут к нему на помощь. Она положила копыто ему на шею, чувствуя как нарастает сила земного пони в мускулах, закалённых пятнадцатью годами самой тяжёлой работы, которые собаки могли ей дать. Затем она надавила. Один чистый удар. Она не чувствовала тошноты, которой ожидала, и даже не задалась вопросом, почему она это сделала. Колдунья приказала, и она сделала это.

Она отняла у него жизнь. Она совершила зло, каким бы оправданным оно ни было. И всё же она улыбнулась, и в первый день новой жизни это было лучше всего.

Нет, это было неправильно.

Но это было справедливо.